

Питирим Сорокин

Жизнь философа редко привлекает романиста. Сам характер деятельности «объекта» — философия, иначе говоря, любовь к умствованиям — предполагает тишину, спокойствие и несуетность. Странно и нелепо, согласитесь, выглядит образ философа, ввязавшегося в политические дрязги, в авантюры и приключения; все же под «философским взглядом» мы обычно понимаем нечто совсем противоположное — холодную отстраненную логику, олимпийскую бесстрастность, отрешенность от греховных земных страстей.

Однако последние полтора века все перемешали и в этой сфере — достаточно вспомнить того же Ницше... Вот и один из основателей социологии Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) в этом смысле прожил жизнь отнюдь не «философскую». Зато и напомнить эпизоды этой бурной жизни, без долгих и основательных экскурсов в саму систему взглядов философа — даже автор-неспециалист рискует утонуть, — одно удовольствие. Перефразируя поэта, «романы бы делать из этих людей»!



Представителей «красной профессуры», единственными реальными «университетами» которой стали подпольные марксистские кружки и самообразование в сибирской ссылке, в нашей недавней истории хватало с избытком. Но чтобы из недоучившихся гимназистиков — да еще представителей малой народности Севера! — буквально сорванных со школьной скамьи ветром революционной романтики, — и пряником в гарвардские профессора, классики АМЕРИКАНСКОЙ социологической науки... Даже приучивший нас ничему не удивляться XX век подобное выдвигал нечасто.

Будущий русский и американский философ родился в селе Турья Ярен-

ского уезда Вологодской области. Отец его был ремесленником, занимался церковно-реставрационными работами (сына он назвал в честь местного епископа, признанного в тех местах святым), а мать — крестьянкой из зырян, как раньше называли народ коми. Для полноты картины можно добавить, что в 11-летнем возрасте мальчик полностью осиротел.

В столицу империи 15-летний оканчивавший неуч, лишь за год до того овладевший грамотой, прибыл с образованием специфическим — «незаконченным низшим» и «революционным высшим». Иными словами, из церковно-учительской школы (были в России и такие), находившейся в селе

с замечательным названием Хреново, будущего философа исключили в связи с арестом — ясное дело, не за уголовщину, а за самую что ни на есть «политику».

Трудно было ожидать, что в канун первой русской революции молодой человек займется в Петербурге чем-то иным. Так оно и было: марксистские кружки, труды Бакунина и Ницше, баррикады, три месяца в тюрьме, партия эсеров, правое крыло которой он со временем возглавил... Впрочем, об образовании своем незавершенном молодой социалист-революционер тоже не забывал: он окончил вечернюю школу, уже в 20-летнем возрасте сдал экзамены за гимназический курс, а в 1909-м поступил в Психоневрологический институт на факультет социологии, созданный знаменитым Бехтеревым. Но, не проучившись и года, перевелся на юридический факультет университета. Причина такой резкой смены интересов была не мировоззренческая, а сугубо утилитарная: Питириму Сорокину грозил призыв в армию, а его институт права на отсрочку от военной службы не давал — в отличие от столичного университета. Вот и пришлось будущему философу самым вульгарным образом, как бы сейчас сказали, «косить».

Уже на третьем курсе проявивший немалые способности студент Сорокин опубликовал — как вы думаете, что? Курсовую, реферат? Держите выше: научную монографию! Правда, то, что написано сие сочинение было все-таки студентом, выдает слишком уж неакадемическое название — «Преступление и кара, подвиг и награда». Во всем остальном это был настоящий научный труд, выражавший оригинальную философскую систему автора. Если я сообщу ее название (со слов самого Сорокина) — «разновидность эмпирического неопозитивизма», — много ли это скажет читателю без высшего философского образования? Но достаточно каждому из читающих эту статью вспомнить, что бы он сам смог сочинить оригинального на третьем курсе вуза, и придется согласиться вслед за популярным вирту-

альным телегероем: «внушает». Хотя и непонятно.

То, что самородок с крайнего Севера — талант, если не сказать сильнее, выяснилось сравнительно быстро. Защитив в 1914-м диплом, Питирим Сорокин усилиями факультетской профессуры был оставлен при кафедре и спустя два года сдал устный экзамен на степень магистра уголовного права. Если читатель следит за датами, то легко сообразит, что последовало за этим: на дворе стоял 1917-й год.

Короче, защитил свою магистерскую диссертацию Сорокин только в 1922 году. А за это время он успел участвовать в двух революциях. После победы Февральской он избирался в Учредительное собрание, работал секретарем у самого председателя Временного правительства Керенского, редактировал газету «Воля народа» (почти «Народная воля»!) А после победы Октябрьской — идейно боролся с новыми победителями, буквально «уходил в леса» и неоднократно арестовывался. Один раз его даже приговорили к расстрелу, но — пронесло, а иначе не видать бы социологии одного из своих отцов-основателей!

В общем, лихие были времена — и Питирим Сорокин им вполне соответствовал, упрямо не вписываясь в образ кабинетного ученого в черной шапочке и пенсне в золотой оправе. Пенсне он, кстати, носил — не снимая его даже на допросах в ЧК, что одно могло потянуть на высшую меру: интеллигент, контра, одним словом!

И вот с таким отнюдь не академическим багажом философ Сорокин снова возвратился в университет — защищать свою диссертацию, отложенную в связи с «уходом в революцию». Только на сей раз в качестве диссертации будущий магистр права представил, как ни странно, книгу, к юриспруденции имевшую отношение весьма опосредованное, — двухтомник «Системы социологии». С тех пор этот, как и многие последующие труды Сорокина (всего им написано более трех десятков книг, переведенных на 17 языков), стал классикой сравни-

тельно молодой научной дисциплины — социологии.

После Февральской революции она получила официальное признание и в России, и даже большевики поначалу сохраняли по отношению к будущей «буржуазной лженауке» известную терпимость. Может быть, им импонировало то, что новая гуманитарная наука, в отличие от «реакционно-идеалистических» старых, была подчеркнута и даже агрессивно материалистична. Социологи начала прошлого века предлагали не забивать голову высшими абстракциями типа «души», «идеалов», «истины», «культуры», «системы ценностей», а подходить к изучению общества и личности, грубо говоря, со счетной линейкой и прочим инструментарием ученых-естественников. Общество и личность предлагалось **ОПРАШИВАТЬ, ОБМЕРИВАТЬ и ОБСЧИТЫВАТЬ**, холодно и объективно, не задаваясь лукавыми вопросами «почему?», а отвечая только на предельно конкретный, основанный на результатах эксперимента вопрос «как?». Словом, брать пример с тех же физиков, которые в том же начале прошлого века так блестяще разобрались со своими объектами — от атома до галактики!

Конечно, в таком подходе к явлениям социальным был свой очевидный перекося. Очевидный нам сегодня — но в первой половине XX века именно Питирим Сорокин одним из первых понял внутреннюю ущербность механистического подхода к человеку. Однако он твердо осознал и другое: без надежных методов точных наук социологу тоже далеко не уйти. Поэтому и начал искать компромисс — создавать своего рода альтернативную социологию — не позитивистскую (позитивисты считали, что никакая «наднаучная» философия вообще не нужна, а все явления в мире, включая социальные, можно описать с помощью существующих естественных наук), а «культурологическую», «ценностную», «историографическую».

Впрочем, система эта будет создана еще не скоро. Пока же, в начале 1920-

годов, бывший эсер, а ныне новоиспеченный советский профессор Питирим Сорокин вполне легально руководил сначала межкафедретской кафедрой, а затем и соответствующим отделением Петроградского университета. К этому времени он окончательно отошел от активной политической деятельности, порвал с эсерами, но продолжал время от времени полемизировать с большевиками — в основном по философским вопросам.



Что у него тогда уже не было иллюзий относительно того, куда новая власть ведет Россию (не говоря уже о том, кто эту власть возглавляет), доказывает небольшая статья Питирима Сорокина, опубликованная уже в эмиграции, — совсем не философская, а скорее публицистическая: политический некролог на смерть вождя мирового пролетариата. То, что и сегодня многие воспринимают с трудом, через «не хочу» и мучительное преодоление десятилетиями вбиваемых мифов, молодой экс-революционер и блестящий философ три четверти века назад видел на удивление ясно и трезво. Хотя в главном выводе своем — о неизбежном скором падении большевистского режима — ошибся.

Между тем еще в 1921 году в Петроградском доме литераторов прошла конференция, посвященная социальной философии Достоевского. Выступал весь цвет тогдашней российской

гуманитарной науки — Бердяев, Карсавин и... Сорокин. Последний, разумеется, говорил о социологии в романах Достоевского, но постоянно приводил цитаты из «Братьев Карамазовых» (легенду о Великом Инквизиторе) и «Бесов», звучавшие необыкновенно актуально на фоне того, что происходило в стране: «Там, где пытаются найти спасение в голом насилии, где нет любви и свободы, религии и нравственности, там ничего, кроме крови, убийств и преступлений получить не может... Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений».

Что до упомянутого некролога по вождю, то в Советской России опубликовать такое, даже просто написать — означало просто подписать себе смертный приговор. Во второй раз его точно бы не отменили! Но к тому времени социолога Сорокина вместе с теми же Бердяевым, Карсавиным и прочими отечественными интеллектуалами уже вытолкали из России — всех их увез на чужбину печальной памяти «философский пароход». На борту его на долгие годы покинула Россию и сама свободная мысль, не связанная догмой и политической конъюнктурой (хотя реально сам Сорокин покинул родину в вагоне поезда — но это так, для исторической точности).

Было это в сентябре 1922 года. Питириму Сорокину тогда шел, как принято говорить, возраст Христа. Следующие без малого полвека он проведет в основном за письменным столом и университетской кафедрой — как и подобает философу: будет писать, читать, думать. Но какова первая половина жизни! Хотя своих драм и конфликтных ситуаций хватало и во второй — истинной науке так же не чуждо все человеческое.

Первые полтора года в эмиграции Сорокин работал в Праге, а затем был приглашен читать лекции в Америку — научная слава летела впереди него. Университеты Иллинойса, Висконсина, Миннесоты были только подго-

товкой к главному в его научной карьере — приглашению занять пост руководителя специально «под Сорокина» созданной кафедры социологии в престижнейшем Гарварде. А затем и соответствующего факультета, который русский ученый бессменно возглавлял с момента его основания в 1931 году по 1942-й.

К тому времени, впрочем, он уже был гражданином США, хотя в душе истинным американцем так и не стал. Называя себя «консервативным христианским анархистом» и «волком-одиночкой», профессор Гарвардского университета, президент Американской социологической ассоциации Питирим Сорокин с трудом вписывался в мир американской гуманитарной науки, тяготевшей как раз к позитивизму (страна прагматиков, ничего не попишешь!) и как черт лаdana бо-явшейся всяких там «духовных ценностей» и «культурных символов». А именно на них строил свое здание социологии ученый из России, главный труд жизни которого, вышедший в четырех томах в 1937-1941 годах, назывался «Социальная и культурная динамика». Именно так — в неразрывной связке.

Чтобы представить, насколько не просто складывались отношения Сорокина с американским социологическим истеблишментом, достаточно привести название другой его знаменитой книги — «Причуды и заблуждения современной социологии и связанных с ней наук» (1956). В ней он весьма ядовито прохордится по американскому «сциентизму» и «эмпиризму», иными словами, взгляду на общественные науки как на частные приложения естественных. Один термин «квантофрения», изобретенный Сорокиным, чего стоит! А постоянно повторяемый пассаж: ««Республика» Платона не тянет даже на диссертацию в американском университете, потому что в этой книге нет статистических таблиц!»

Свою собственную оригинальную — и надо сказать, весьма непростую для восприятия неспециалистом — теорию он сам назвал «интегральной



системой философии, социологии, психологии, этики и личностных ценностей». Тут вроде каждый элемент сам по себе понятен — а вот их совокупность...

Если заведомо упрощать, то суть состоит вот в чем. Сорокин считал, что исторический процесс — это циклическая смена основных типов культуры, каждый из которых основан на собственной системе ценностей (мировоззрении). Этих основных типов три: чувственная культура (в коей доминирует непосредственное, чувственное восприятие действительности), рациональная или умозрительная (философ называл ее «идеациональная») и идеалистическая (в которой главным инструментом познания становится интуиция). Драматичный, чреватый конфликтами XX век, как и несколько предшествующих ему столетий, — это как раз переход от первого типа, чувственного, ко второму, рациональному. Но в будущем неизбежна победа третьего типа культуры — идеалистической, интуитивной. Если еще более огрубить — религиозной. (Сорокин, кстати, считал себя человеком верующим, но ни к одной из существующих религиозных конфессий примкнуть не пожелал, всю жизнь искал какого-то «своего» бога...)

На самом деле, конечно, все гораздо сложнее — на то она и философия.

Впрочем, среди научных достижений Сорокина было и немало вполне прикладных разработок, позже взятых на вооружение и американской и мировой социологией. Сейчас даже неспециалисту знакомы такие термины, как «социальная стратификация» (расслоение общества) и «социальная мобильность», — а ведь одним из первых, кто разработал эти теории, был Питирим Сорокин.

Тем не менее его главные социологические откровения для большинства американских коллег, привыкших «считать», а не «витать в абстракциях», представлялись чем-то слишком отвлеченным и аморфным. А после того как по инициативе одного из гургу американской социологии Толкотта Парсонса (сферой научных интересов которого как раз были математические, формализованные методы в социологии) факультет социологии в Гарварде упразднили, а на его месте был создан факультет социальных отношений, Сорокина туда уже не пригласили.

Уйдя из университета, Сорокин поселился в маленьком городке Винчестере поблизости от Гарварда. Он продолжал время от времени читать лекции, а в 1949 году создал в Винчестере собственный научный центр, название которого для американцев, не склонных к бескорыстию, звучало просто вызывающе: Гарвардский исследовательский центр по созидательному альтруизму. В мире, где превыше всего ценится конкуренция, а не кооперация, где боготворят сильного, победителя, «чемпиона» и презирают сирых и убогих, русский философ задался вопросом, как вернуть в наш насквозь материалистичный и прагматичный мир бескорыстие. Естественное желание дать, поделиться — а не брать...

Нет, воистину, кого только Россия в своем непостижимом альтруизме не «раздарила» миру в начале прошлого века.